Не очень еще отдаленное прошлое.

(Изъ воспоминаній *) пожилого человѣка).

В. А. былъ у насъ очень ретивый педагогъ. На его урокѣ едва ли былъ хоть одинъ ученикъ (это въ среднемъ учебномъ заведеніи!), который ежеминутно съ трепетомъ не ожидалъ бы заушенія отъ руки профессора (такъ громко величали себя тогда иные учителя) физики и математики,—особенно при сдачѣ заданнаго урока за неисправность, а то и такъ, ни съ того ни съ сего, за какую нибудь померещившуюся профессору улыбку на лицѣ отвѣчающаго урокъ, за непонравившуюся ему прическу ученика, за выпускъ воротничка поверхъ галстуха и т. п. Ждешь, бывало, какъ благополучія, чтобы профсссоръ покаралъ тебя какъ нибудь иначе, только бы незаѣзжалъ въ физіономію (онъ былъ большой мастеръ издѣваться надъ беззащитными), и радъ

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Уч. Архивн. К—сіи 14 декабря 1904 года.

если придется тебѣ стоять на колѣнахъ у классной доски, думаешь тѣмъ и отдѣлаюсь; такъ нѣтъ-же, заставитъ тебя въ такомъ положеніи слѣдить за работой на доскѣ другого ученика и учиться (какое ужъ тутъ вниманіе!), прикажетъ встать и снова рѣшать на доскѣ задачу; снова собьешся, и ужъ непремѣнно тебѣ пощечину влѣпитъ! Пожаловаться не смѣли, боялись, что совсѣмъ изуродуетъ тебя за это. Начальникъ его зналъ о томъ, но самъ ничего ему не смѣлъ сдѣлать, и замолчалъ, когда тотъ сталъ ему доказывать, что безъ этого обойтись онъ не можетъ, иначе оставитъ тутъ службу, чтобы не отвѣчать за безуспѣшность учениковъ; былъ у него какой то братецъ на службѣ въ томъ мѣстѣ, откуда могло получать нахлобучки и само начальство, видите. Сослуживцы этого драчуна профессора, казалось, однажды кое что сдѣлали къ облегченію участи воспитанниковъ. Въ компаніи съ ними, подгулявши, онъ и съ ними позволялъ себѣ драться и буйствовать. Разъ въ такой компаніи, гдѣ участвовалъ и врачъ этого заведенія, подгуляли крѣпко; буянъ всѣхъ ихъ вывелъ изъ терпѣнія—они связали его и выкинули въ сѣни квартиры въ жестокую стужу, и вѣроятно скоро о немъ не вспомнили; онъ тамъ обморозилъ себѣ руки; развязавши его, посовѣтовали ему пальцы обмокнуть въ кипятокъ, что онъ и сдѣлалъ; но докторъ тутъ заявилъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого глупаго отваживанія съ правой рукой будетъ антоновъ огонь, и необходимо поспѣшить съ ампутаціей пальцевъ. Оставили ему на правой рукѣ лишь большой да указательный, чтобы могъ онъ писать, а остальные обрѣзали. Думаете ли, что сталъ онъ потомъ добрѣе? Ни мало, напротивъ какъ будто еще злѣе и по прежнему продолжалъ свое дѣло; удары безпалой руки, какъ говорили, чувствовались даже больнѣе.

Трудно повѣрить? Но это совершенная правда, и въ живыхъ еще довольно людей, которые въ ней усумниться не могутъ. Самъ этотъ профессоръ давно уже покоенъ, но память по себѣ оставилъ на долго. Было это у насъ здѣсь, въ Перми, въ 40—50 годахъ минувшаго столѣтія; покойный оставался на одной и той же службѣ очень долго.

М. И. Капустинъ.